Н. В. АСОНОВ
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра социологии и политологии
МосУ МВД России*

«Теория официальной народности» в политическом дискурсе второй половины XIX - начала XX века

Как известно, научным фундаментом теории «официальной народности», разработанной С. С. Уваровым и направленной на оправдание российского самодержавия, стали политические выводы историка М. П. Погодина, изложенные им в 1827 г. Указывая на самобытность России, он утверждал, что тот, кто пытается перенести на её почву западную систему организации власти, не знает России[1]. Однако М. П. Погодин считал вредным для России и Запада обособление их друг от друга.

Религиозной основой теории С. С. Уварова стало православное учение о любви к Богу, монархии, нации, семье и личности. Именно первая триада данного учения, имеющая политическое значение, была использована при составлении теории «официальной народности» и вскоре приняла форму государственного девиза: «За Веру, Царя и Отечество!».

В пореформенную эпоху правые «западники», выступая за введение в России парламентских принципов управления наряду с сохранением монархии, из всей триады С. С. Уварова признали «истинным словом» только «народность»[2]. Её они считали близким элементом своей доктрине, нацеленной на развитие социально-политических свобод граждан.

Встав на путь модернизации, Александр II учёл это и скорректировал реформы в пользу правых «западников», считавших, что стране нужны «не конституционные сделки... а самодержавные реформы». Их давление на царя заставило власть фактически отречься от «теории официальной народности»,

* Ассонов Николай Васильевич, e-mail:
[1] См.: *Погодин М. П.* Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. М., 1874, с. 198-202.
[2] См.: *Боткин В. П.* Литературная критика. Публицистика. Письма. М., 1984, с. 262, 271-274.

но именно под влиянием третьего пункта данной теории власть провела важные административные реформы земского и городского самоуправления, которые быстро приобрели демократические черты соборного устройства. Политический успех «западников» вынудил представителей самодержавно-охранительного лагеря перейти в оппозицию власти и сблизиться со «славянофилами», которые казались «охранителям» «чистыми русскими людьми, которых близкое знакомство с наукой и культурой Запада не отрешило от родной почвы».

В это время видными защитниками «теории официальной народности» стали М. Н. Катков и К. П. Победоносцев. Отстаивая «теорию официальной народности», М. Н. Катков полагал, что монарх зря даёт инициативу правительству, ибо в этой ситуации «Россия имеет две политики, идущие врозь – одну царскую, другую министерскую». Подрывается принцип централизации политической власти и воздвигается барьер между самодержавием и народностью как единственной надёжной опорой трона[1].

Поддерживая данную позицию, К. П. Победоносцев противопоставлял либерализму, развивающему в гражданах «чрезмерное самолюбие», «теорию официальной народности». Но её он понимает шире С. С. Уварова. Для него это «крепкая связь любви и веры, соединяющей всю Россию и весь добрый народ русский с Государем и с Царским Домом»[2].

В «теории официальной народности» он видел мощное оружие борьбы против демократии как «одного из самых лживых политических начал... построенного на ложном представлении о совершенстве человеческой природы... способности всех и каждого уразуметь и осуществить» подлинное народовластие, при котором всем будет хорошо. Но, поскольку в человеке много зла, надо сохранить самодержавие для обуздания этого зла.

---

[1] См.: *Катков М. Н.* Единственный царский путь // Имперское слово. М., 2002, с. 384; Что такое наши земские соборы // Имперское слово, с. 407-410.

[2] *Победоносцев К. П.* Приветствие старого воспитателя великому князю в день его совершеннолетия //Тайный правитель России. Письма и записки, статьи, очерки и воспоминания. М., 2001, с. 365.

Признав правоту данного положения, Александр II в последние годы жизни предпринял ряд шагов для укрепления силовых методов управления. В подобном ключе стал действовать и Александр III. Будучи учеником К. П. Победоносцева, он восстановил позиции «теории официальной народности».

Новое поколение защитников «теории официальной народности» при Александре III видело главное её преимущество в том, что в условиях нового наступления демократии она способна противостоять «разрушительным» вызовам Запада и сохранить великую Россию. Причём, рождение «теории официальной народности» новое поколение представителей самодержавно-охранительного лагеря связывало не с С. С. Уваровым, а Петром I, который якобы отождествлял интересы народа с уважением к его святыням[1].

Их пренебрежение идеей «народности» встретило возражение эпигонов «славянофилов» - «почвенников» во главе с братьями Достоевскими. По их мнению «почва» – это «народные начала»: вера, традиции, понятия. Государству надо вернуться к народу и понять, что для успешного развития России необходимо опереться на «все силы русского духа», примирив различные течения в социально-политической мысли страны на базе синтеза их наиболее ценных идей.

Строительство новой России должно идти на основе национально-религиозных традиций русского народа, поскольку именно он составляет системообразующий элемент страны и численно превосходит все другие народы России вместе взятые. При этом «почвенники» не звали отрываться от Европы, предлагая с ней сотрудничать, но не копировать её. Либеральные основы западной системы ценностей «почвенники» понимали как зло и «рабство от денег». Ф. М. Достоевский считал, что русский народ, ориентируясь на идеалы православия, сохранившего чистоту христианства, является «народом-богоносцем». «Святая Русь» - это не столько современное состояние России, сколько направление её социально-политического развития.

---

[1] См.: *Черняев Н. И.* Мистика, идеалы и поэзия русского Самодержавия. М., 1998, с. 23, 117, 283.

Идя таким путём, Россия спасётся сама и спасёт Запад от «ужасов социализма» и капитализма. Православие, русский народ-богоносец, самодержавие и реформаторский дух Петра I – те начала, на которых должно произойти становление новой России, а затем и всего христианского мира.

Идею народной монархии, к которой звали «почвенники», принял Ф. И. Тютчев. Он полагал, что монархия должна носить не только религиозный, но и народный характер, т. е. работать на пользу рядовых граждан. «Чем народнее самодержавие, тем самодержавнее народ», - заявлял Ф. И. Тютчев. Если власть любит народ, она не допустит забвения национальных интересов во имя абстрактных всечеловеческих ценностей чужого мира.

Правильную форму государственной власти он видел во «Вселенской монархии», а Вселенская монархия – это Империя. Она едина и неделима как политическая традиция мира. Как полагал Ф. И. Тютчев, попытка пап и светских правителей Европы перенести империю на Запад провалилась благодаря реформации и демократическим революциям. В XIX в. только одна Россия подошла «к восстановлению законной Империи: православная церковь – её душа, славянское племя – её тело»[1]. На этом пути России предстоит образовать греко-славянскую Империю, воссоединив обе церкви.

В 70-80-х гг. последователи «славянофилов» нашли поддержку в лице Н. Я. Данилевского. Он считал, что успех России как ведущего элемента славянского культурно-исторического типа[2] обеспечат особенности её исторического уклада, представленные православием, самодержавием и русской общиной. Исходя из теории «культурно-исторических типов», Н. Я. Данилевский в «теории официальной народности» также отдавал решающее значение «народности» как «существенной основе государства», нарушенной Петром I, ненавидящим «самые начала русской жизни». Результатом этого стала болезнь «европейничанья», а её следствием – «западничество».

---

[2] См.: *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991, с. 109, 508.

Исходя из принципа народности, Н. Я. Данилевский выдвигал после «святой Церкви» идею «Всеславянского союза», столицей которого должен стать Константинополь. Этот союз поможет славянам и православным народам защитить себя от агрессии Запада и Востока.

Под влиянием Н. Я. Данилевского создал свою политическую теорию К. Н. Леонтьев, также относивший себя к эпигонам «славянофилов». Он обращал внимание на то, что Европа, разрушив сословные перегородки, дала преобладание «среднему классу», а вместе с ним «среднему человеку». В итоге Запад пришёл к «демократическому гниению». Поэтому либерализм и демократия для К. Н. Леонтьева стали синонимами разложения и смерти любого социума. Спасти Россию от «гниения» может только самодержавие, которое высший этап своего развития, начавшегося при Петре I, пережило при Николае I.

Для этого надо отгородиться от Запада и укрепить свои государственные устои. Прежде всего надо бороться против идеи конституционализма. В качестве альтернативы ей К. Н. Леонтьев предложил теорию С. С. Уварова, которую он понимал как «византийское православие, родовое и безграничное самодержавие наше и... наш сельский поземельный быт». «Царизм наш, - писал он, - столь для нас плодотворный и спасительный, окреп под влиянием православия, под влиянием византийских идей, византийской культуры»[1]. Поэтому политическая власть ради спасения страны должна укреплять принципы византизма, в основе которых лежат идеи сильной монархической государственности, христианства, особенно монашества, самобытной и разнообразной национальной жизни, в обособленном от Запада единстве.

Но чтобы царская власть была сильной, нужно, чтобы она опиралась не на простой народ, «своекорыстный, подвижный и легко развратимый», а на «сословные ступени». При этом надо избегать сближения России со славянским миром и следить за тем, чтобы законы и принципы государственной власти были как можно строже.

---

[1] См.: *Леонтьев К.Н.* Цветущая сложность: Избр. Статьи. М., 1992, с. 287.

Со смертью К. Н. Леонтьева и Александра III завершился первый этап развития «теории официальной народности». В начале XX в. в связи с изменившейся социально-политической ситуацией начался второй этап развития данной теории. События 1896-1907 гг. показали наличие широкой оппозиции, представленной различными направлениями «западничества», перешедшего в новое наступление против православной государственности и вынудившего Николая II пойти на ряд новых уступок демократии.

Правительственный лагерь начали покидать те, кто ещё недавно считал себя сторонником абсолютизма. Они надеялись отвести угрозу коренных насильственных перемен и сохранить хотя бы ограниченную монархию. Это обстоятельство вынуждало царя отказаться от «теории официальной народности» и приступить к социально-политическому реформированию.

На защиту «теории официальной народности» встали «черносотенцы», считавшие своими идеологами М. Н. Каткова и К.П. Победоносцева. «Черносотенцы» считали себя наследниками не только «славянофилов», но и «почвенников», связь с которыми они ощущали через труды Л. А. Тихомирова. В союзе монарха и народа, скреплённом православной верой, лидеры «чёрной сотни» видели нравственное превосходство и историческое своеобразие русской монархии. Как заявил В. М. Пуришкевич: «Царь есть высшая правда, но по нашему разумению, и воля Его не может быть направлена на что иное, как только на благо народа»[1]. В этом его поддерживал профессор П.Е. Казанский, перешедший вскоре на сторону П. А. Столыпина: «Царь, – писал он, – одна из величайших исторических святынь русского народа. Сопоставление рядом, как идеальных сокровищ, Веры, Царя и Отечества проходит через всю русскую историю»[2].

Связь с политическими воззрениями К. Н. Леонтьева нашла отражение в

---

1 *Казанский Е.П.* Власть Всероссийского Императора. М., 1999, с.377.

2 Там же, с.370.

признании решающей роли «Византизма» в становлении национального православного самодержавия в России. Идея «Византизма» сплотила вокруг себя тех «черносотенцев», кто считал себя сторонником самодержавно-охранительного лагеря. Но среди них были и те, кто был убеждён, что российское самодержавие строилось на основе национальных начал как «форма единоличной Верховной Власти, которая в единении с Православной Церковью и русским народом воплощает религиозно-нравственные идеалы»[1]. Поэтому патриоты не могут вести борьбу против православия, самодержавия и народности. Против этой триады борется тот, кто ненавидит «Россию живую», кому «люба Россия воображаемая, Россия мнимая»[2].

Отношение к духовной власти у «черносотенцев» не было столь однозначным, как к монархии. Законы церкви ставились ими выше светских, но сама духовная власть, по их мнению, должна стоять на втором месте в вертикали политических институтов[3]. Тогда как принцип «народности» большинство «черносотенцев» трактовало в духе М. Н. Каткова и определяло его не столько этническим и даже религиозным содержанием, сколько преданностью престолу и России.

Как писал Л. А. Тихомиров: «К третьему пункту формулы возможно присоединиться … исключительно как к выводу из первых двух пунктов, так как, в сущности, действительными принципами нашей истории являются только православие и самодержавие. … Это настоящие определяющие силы нашей “народности”»[4].

Близкой позиции придерживался И.Кронштадский и многие другие деятели церкви. Так член Государственного совета архиепископ Никон (Рождественский), беря под защиту «чёрную сотню», писал: «В наши дни всего острее разделяют правых и левых основные вопросы государственной жизни, которые ставятся “правыми” на их знамени: Православие,

---

[1] *Семёнов П. Н.* Самодержавие как государственный строй. СПб., 1906, с. 1.
[2] *Марков Н. Е.* Войны тёмных сил. Статьи. 1921- 1937. М., 2002, с. 370-372.
[3] См.: Правые партии. 1905-1917 гг. Документы и материалы. В 2 т. М., 1998, т. I, с. 274, 278, 280.
[4] *Тихомиров Л. А.* Критика демократии. М., 1997, с. 544.

Самодержавие и Народность. Казалось бы: ещё православие – вопрос прямо церковный, а самодержавие и народность, какое отношение имеют к Церкви? … Ответ на эти вопросы даёт сама жизнь». Совращенные чуждой идеологией, идущей с Запада, «левые» «перестают быть не только православными, но и русскими, становятся врагами родной Церкви, теряют облик своей народности; Православный Самодержавный Царь становится чужим для их души»[1].

Однако, когда «с высоты Престола провозглашена была ломка тех устоев, которыми держалась Россия», «теория официальной народности» во всех её идеологических проявлениях была обречена на поражение. С ней, как и с её защитниками, «сбылось то, чего надо было ожидать: в условиях политической борьбы они оказались разбитыми, разсеянными и не признанными той самой властью, которая только на них одних могла опираться»[2].

Важной причиной поражения «черносотенцев» и «теории официальной народности» стала также деятельность премьер-министра П. А. Столыпина, решившего укрепить монархию путём создания проправительственной партии. Эта партия должна сочетать в себе политические идеи не только «черносотенцев», но и либерально настроенных «западников», в первую очередь, «октябристов» и «кадетов». Новой партии предстояло перетянуть к себе голоса их выборщиков и таким образом обеспечить себе полную гегемонию. Такая партия была создана и летом 1908 г. зарегистрирована под именем «Всероссийского национального союза».

Относительное единство и политический успех «националистов» были весьма недолгими. Ещё до убийства П. А. Столыпина в 1911 г. в их рядах началось постепенное размежевание на «правых» и «левых». «Правые»

---

[1] *Архиепископ Никон (Рождественский).* Правые и левые // Православие и грядущие судьбы России. Свято-Успенский – Псково-Печерский м-рь, 1995, с. 432-436.

[2] Объяснительная записка, составленная к пункту II записки, составленной в кружке Римского-Корсакова и переданная Николаю II кн. Голицыным в ноябре 1916 г. // Архив русской революции. В 22 т. М., 1991, т.5-6, с. 340.

тяготели к политической доктрине «черносотенцев». «Левые» искали союза с теми, кто шёл в сторону парламентской монархии.

Определённая идейная близость «националистов» к «западникам» выразилась в том, что они не отрицали единый для всех цивилизаций путь политического развития. Так, например, М. О. Меньшиков полагал, что периоды наибольшего влияния православия, самодержавия и народности соответствуют западным периодам влияния католицизма, абсолютизма и национализма. Причём эпоху «национализма» «националисты» считали высшим этапом политической организации для Запада и Востока.

«Теперь, - писал М. О. Меньшиков, - наступает третий период... где основным началом должна стать “народность”. И православие, и самодержавие, не исчезая, по необходимости должны отодвинуться и дать место некоторому новому царству – национальному. Народность есть окончательное собирание народа». «Засидевшись долго на двух началах, мы подошли к гибели, и только третье начало – народность – в силах выдвинуть спасающую культуру... освобождения нации»[1].

В то же время в программных документах «националистов» сквозит влияние не столько национально-православных традиций, сколько западных учений социал-дарвинизма с примесью ницшеанства. Православная вера как важнейший элемент идеологической подсистемы общества П. А. Столыпина и его единомышленников интересовала во вторую очередь.

Расходились точки зрения «черносотенцев» и «националистов» по вопросу о сохранении общинных традиций и вечевой демократии на селе, поддержанных в своё время «теорией официальной народности». Вовлекая крестьянина в рыночные отношения, П.А. Столыпин надеялся отвлечь его от союза с революционными партиями[2].

---

[1] *Меньшиков М. О.* Третья культура // Нация и империя в русской мысли начала XX века. М., 2003, с. 40-42.

[2] См.: *Столыпин П. А.* Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном Совете. 1906-1911. М., 1991, с. 216.

Но такая позиция встретила возражение со стороны «чёрной сотни», считавшей, что столыпинский путь ведёт к появлению в деревне огромной массы бедняков, которые будут «горючим материалом» для тех, кто мечтает уничтожить православие, самодержавие и народность в России.

В итоге, по выражению М.В.Родзянко, образовалась «неминуемая пробка». Наиболее радикальные реформы отвергались консерваторами и поддерживающим их Государственным советом, а наиболее консервативные – либералами, занимавшими в Государственной думе решающие позиции. Правящая партия не смогла найти сил для преодоления внутреннего кризиса. Всё это мешало сплочению сторонников православия, самодержавия и народности вокруг «националистов». Вплоть до февраля 1917 г. в их рядах сохранялись разброд и шатание. Это обстоятельство можно считать следующей причиной, повлиявшей на резкий упадок «теории официальной народности» в начале XX в.

Последней причиной этого упадка стал союз России с Англией и Францией, которые были настроены в пользу парламентаризма и потому являлись значительно более враждебной силой православию, самодержавию и народности, чем кайзеровская Германия и её союзники. В итоге, как заметил в конце 1916 г. великий князь Александр Михайлович, российское правительство стало тем «органом, который подготовляет революцию,.. и вполне в этом успевает. Мы присутствуем при небывалом зрелище революции сверху, а не снизу»[1].

В ходе февральской революции самодержавие было свергнуто, а вместе с ним закончился второй этап развития «теории официальной народности».

Асонов Н. В. «Теория официальной народности» в политическом дискурсе второй половины XIX - начала XX века. В статье говорится о развитии общественного интереса к «теории официальной народности». Проанализированы различные точки зрения, связанные с её трактовками, отразившимися в политическом дискурсе сторонников и противников православной

[1] Письмо вел. кн. Александра Михайловича к Николаю II от 25 декабря 1916 – 4 февраля 1917 г.г. // Архив русской революции, В 22 т, т. 5-6, с. 336.

государственности, возродившие спор «западников» и «славянофилов» во второй половине XIX - начале XX в.

Ключевые слова: теория официальной народности, православие, самодержавие, народность, политика, Россия.

ASONOV N. V. «The theory of the official publicity» in the national discourse in the XIX – beginning of the XX c. This article reflects the yrowing social interest to S. S. Uvarov,s theory of “THE OFFICIAL PUBLICITY”. The author has spotlighted different points of view on its realization which has been expressed both by the opponents and the supporters of the orthodox state theory in Russia in the XIX – beginning of the XX c.

Key words: the theory of the official publicity, orthodoxy, autocracy, publicity, politics, Russia.